11. **Татьяна Афанасьева,**
Российская национальная библиотека. 101000. Москва, Воздвиженка, 3
Тел./факс: (095) 202-0490
Телекс: 411167 GBL SU117

12. **Николай Борисович Топорнин,**
директор Центра информации и документации Совета Европы в РФ. Библиотека Центра. 117454. Москва, пр. Вернадского, 76; телефон (095) 434–9077.

КОНВЕНЦИЯ О ЗАЩИТЕ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА И ОСНОВНЫХ СВОБОД В РОССИЙСКОЙ ПРАВОВОЙ СИСТЕМЕ: РЕАЛЬНОСТИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

(из доклада на семинаре)

Предложенная постановка вопроса может показаться преждевременной, поскольку Конвенция, подписанная от имени Российской Федерации 28 февраля 1996 г., еще не ратифицирована Федеральным Собранием и для нашего государства не вступила в силу.

Однако подход к Конвенции не ограничивается ее квалификацией как самостоятельного договорного акта, а включает в себя: а) констатацию идентичности или близости большинства ее положений и общепризнанных принципов и норм международного права, зафиксированных в Международных пактах о правах человека и других универсальных конвенциях, обязательных для Российской Федерации; б) учет общего для государств предписания воздерживаться до вступления договора в силу от действий, лишающих договор его объекта и цели.

Вхождение России в круг участников Конвенции о защите прав человека и основных свобод влечет за собой усложнение обязательств, относящихся к внутреннему правопорядку и вместе с тем к ее статусу в европейском правовом пространстве.

В Конвенции и протоколах к ней нет неприемлемых для Российской Федерации положений (известные разногласия сохраняются лишь по вопросу о присоединении к протоколу № 6 относительно отмены смертной казни), в связи с чем я не вижу разумных оснований для затягивания процесса ратификации Конвенции и уже подписанных протоколов.

Можно констатировать совместимость конвенционных норм и норм Конституции РФ и федеральных законов. Сохраняющиеся различия не являются препятствием для нормативного содружества в рамках российской правовой системы как сферы их совместного применения.

Текст Конвенции (вместе с протоколами) содержит положения двоякого рода: а) материальные нормы, закрепляющие европейские стандарты прав и свобод; б) процессуальные нормы, регламентирующие процедуру получения и рассмотрения межгосударственных и индивидуальных обращений в Европейской комиссии и в Европейском суде.

По сравнению с универсальными договорами в этой области нормы второй группы уникальны, характеризуются качественно иным уровнем регламентации и высокой эффективностью. Что же касается европейских стандартов, то по своим основным параметрам они не имеют принципиальных отличий от обоих международных стандартов, признанных и Россией.

Состояние нормативной регламентации в России вопросов декларирования, гарантий и защиты прав человека заслуживает компетентного анализа с учетом их реального совершенствования и противоречивости и не дает оснований для безоговорочно негативной оценки российского законодательства, для модных уничижительных комментариев.

Современное российское право содержит нормативные основы, обеспечивающие участие в Совете Европы, в связи с чем восприятие Конвенции о защите прав человека и основных свобод и большинства иных европейских конвенций не должно порождать ощутимых и тем более непреодолимых проблем. Решающее значение имеют четыре положения Конституции РФ (ч. 4, ст. 15, ч. 1, ст. 17, ч. 3, ст. 45 и ст. 79). В формирующемся на этой основе комплексе федеральных законов, кодексов, иных нормативных правовых актов все весомее ощущаются уважительное отношение к международным стандартам и ориентация на непосредственное применение во внутригосударственной сфере норм международного (следовательно, и европейского) права.

В обозримой перспективе кажется резонной постановка вопроса об отдельных уточнениях в гл. 2 Конституции РФ в контексте формулировок как Европейской конвенции, так и Международных пактов о правах человека, хотя в ситуации особо жестких условий пересмотра положений гл. 2 (а поправки к этой главе вообще не оговариваются) возможны не вполне равнозначные конкретизирующие нормы с использованием федеральных законов.

Значимость в пределах российского правового пространства европейских, как и международных вообще, стандартов прав и свобод воплощается не столько в переносе самих гуманитарных правил, ибо их внедрение стало необратимым процессом, сколько в продуманном использовании накопленных в Совете Европы традиций реализации таких правил и возможностей контрольного

механизма. Наша правоприменительная практика не имеет, естественно, опыта непосредственной реализации Конвенции о защите прав человека и основных свобод как юридического документа. Но общие международные нормы на протяжении ряда лет являются применимым правом — в содружестве с национальными нормами — в деятельности судов и других органов, должностных лиц и граждан.

Признание скромного удельного веса в правоприменительной практике подходов и решений, основанных на международных нормах, дополняется констатацией реальных усилий и потенциальных возможностей, обусловленных обязательствами в рамках Совета Европы.

Огорчает пристрастие к своего рода «заданиям», адресуемым нашей стране Парламентской ассамблеей Совета Европы, с обозначением календарных сроков определенных действий, что вряд ли соизмеряется с реальностями общественного развития.

Право на обращение в межгосударственные органы по защите прав и свобод человека — это не только воплощение договорных обязательств государства. Для нас это и конституционная норма, которая именно в эти дни отмечает свое пятилетие (она была введена в предшествующую Конституцию 21 апреля 1992 г.). Но в конституционной формулировке она предстает лишь как субъективное право личности, с которым никак не соотносятся полномочия и действия компетентных органов государства.

Предстоящее вхождение России в европейский контрольный механизм, предусмотренный Конвенцией и протоколом № 11, обусловливает целесообразность разработки федерального закона, регламентирующего порядок обращения индивидов в предусмотренные договорами межгосударственные органы и вместе с тем полномочия соответствующих органов РФ; при этом предполагаемые полномочия должны охватывать как стадию исчерпания всех имеющихся внутригосударственных средств правовой защиты, так и стадию повторного рассмотрения дела после заключения международного органа, с чем связана корректировка ряда нормативных положений об окончательных решениях, не подлежащих обжалованию.

Наше восприятие Совета Европы и европейских конвенций относится к категории весьма деликатных проблем, поскольку Россия пока имеет более чем скромный опыт участия в этой организации, сама еще не выполнила отдельных принятых при вступлении обязательств.

И все же на доктринальном уровне уместны размышления и критические оценки, навеянные сравнительным анализом. На мой взгляд, совершенствование Конвенции о защите прав человека и

основных свобод, уже осуществленное в форме 11 протоколов, может быть продолжено, в том числе посредством восприятия ряда положений Международных пактов о правах человека.

Вполне оправданна постановка вопроса о согласовании и взаимодействии Европейской конвенции и родственных по предмету регулирования универсальных договоров. Есть повод для размышлений и применительно к сопоставлению «сопредельных» региональных конвенций, имея в виду, в частности, более толерантное отношение со стороны Совета Европы к документам Содружества Европы.

Да, наша правовая система как совокупность нормотворчества и правоприменительной деятельности далека от совершенства. Она открыта для критических суждений, для полезных рекомендаций, для восприятия наработанных в Совете Европы и доказавших свою эффективность гуманитарных стандартов. Она открыта и для «обратной связи», для понимания российских правовых ценностей.

Хочу надеяться, что наши гости и их коллеги в Совете Европы не воспринимают российскую правовую систему как правовое поле (legal plantation), еще не вспаханное, заросшее сорняками, которое надо прополоть, а поле — засеять культурными растениями. С известной долей фантазии полагаю, что определенные компоненты российского правопорядка созрели для обогащения европейского правового пространства и некоторых институтов самого Совета Европы.

Конвенция о защите прав человека и основных свобод — это не застывший монумент, а живой организм, подверженный прогрессивным влияниям, в наборе которых могут быть воплощены и частицы российского опыта.

Правовые ценности для нас — это не только предметы импорта, это и наши собственные приобретения, которые (рискну и так поставить вопрос) могут заинтересовать даже умудренный почти полувековым опытом Совет Европы в качестве российской экспортной продукции. И хотя правовые ценности не предмет внешнеторговых сделок, они вполне пригодны для взаимного обогащения в процессе гуманитарного сотрудничества. Именно таким я вижу настоящее и будущее правовой системы России, настоящее и будущее Совета Европы.

В заключение назову три частных момента: а) значение информационных обменов, имея в виду прежде всего наши потребности в регулярной информации о жизнедеятельности Совета Европы, о взаимоотношениях России и Совета Европы; б) значение юридически адекватных переводов актов и документов Совета Европы с официальных языков на русский (так называемые русские версии);

в) значение квалифицированных научных исследований по актуальным проблемам Совета Европы, в том числе совместных изданий.

Г.В. Игнатенко,
заслуженный деятель науки Российской Федерации, профессор, доктор юридических наук, заведующий кафедрой Уральской государственной юридической академии (подробнее об авторе см. № 3/4 нашего журнала за 1991 г.)

НЕПОНЯТНО, ПОЧЕМУ ЗАТЕМНИЛИ ЯСНОСТЬ

(из выступления на семинаре)

Уважаемые гости Уральской государственной юридической академии! От имени студентов Института предпринимательства и права мы рады приветствовать вас в центре Урала.

Уважаемые гости, вы находитесь в столице пенитенциарных учреждений — и это горькая правда, — к сожалению, в одном из криминогенных районов России.

Позвольте мне еще одно замечание относительно центра: вообще человек всегда в центре Мироздания. Поэтому, очевидно, бог создал землю круглой.

Несомненно, что человек и его права должны быть в центре внимания законодательной исполнительной и судебной ветвей светской власти. Это положение адекватно Всеобщей декларации прав человека, принятой Генеральной Ассамблеей ООН 10 ноября 1949 г., Конвенции о защите прав человека и основных свобод, подписанной в 1950 году, Конституции России и многим другим законодательным актам.

Проблема, однако, в том, как действительность соотносится с декларациями. Именно в этом аспекте я, студентка Е. Унесихина, намерена поделиться своими мыслями. Извините за нескромность.

Учитывая небольшое количество времени, которое отведено, не буду рассматривать все права, гарантированные Конвенцией о защите прав человека и основных свобод.

Поэтому остановлюсь на следующем. Если обратиться к ч. 2, ст. 2, этой Конвенции, то можно найти положение, гарантирующее каждому человеку право защиты своей жизни даже с помощью